

художественного текста, восприятие которого обусловлено тем комплексом глубинных смыслов, которые эксплицируют авторский замысел.

Литература

Зайцева, Я.С. Структурно-семантические и стилистические особенности фразеологизмов библейского происхождения в современном русском языке / Дисс. – Саранск, 2010. – 291 с.

Мокиенко, В.М. толковый словарь библейских выражений и слов / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина – М.: АСТ, 2010.

Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколлегии: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 424 с.

Summary. The article deals with didactic aspects of studying phraseology of Old Church Slavonic, which represent values and cultural landmarks, open semantic thesaurus of literary text.

Самосенкова Т. В.

КРУГОВОРОТ «ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЭТНОСОВ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
samosenkova@bsu.edu.ru

Язык и культура постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга. В языке фиксируются объекты и события, представляющие культурную значимость. Современные работы многих учёных нацелены на поиск и описание универсалий в языке (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. Е. Кибрик, Б. А. Успенский, Б. М. Гаспаров, В. А. Звягинцев и др.) К таким универсальным (концептуальным и языковым) категориям относятся и время.

В пословицах и поговорках, выражающих народное представление о временных категориях, в частности, о начале и конце, не только раскрывается значение цикличности всего происходящего и сакрализуется начало, не просто отражается религиозный смысл этих понятий или ритуальность, в них заключённая, на первый план выступает философский характер размышлений о времени, так называемая народная житейская мудрость, которая формировалась веками, и морально-нравственная оценка, составляющие содержательную и жанровую основу этого вида народного творчества. В своем значении паремия как набор моделей ситуаций и отношений, возникающих в обществе носителей языка, опирается на концепт, понимаемый как невербальное образование, которое осмысливается, переживается и получает название по слову, через которое оно вербализуется.

Мифология времени, пишет С. М. Толстая, включает идею начала и конца мира, память о смене поколений, сознание линейности человеческой жизни от рождения до смерти. Однако, по мнению ученого, цикличность мифологического времени это не просто следование природным, солнечным, лунным, вегетативным циклам (времена года, фазы луны, суточное время, периода роста и созревания растений), линейное время (историческое, жизненное) в традиционной культуре постоянно преобразуется в циклическое и вовлекается в круговорот «вечного возвращения». Это находит непосредственное отражение в произведениях народного творчества.

Каждый дифференцированный промежуток времени в любом обряде связан с действием и органичен определённым началом и концом этого действия. «Начало» и «конец» часто находят для себя конкретное обозначение в языковых традициях, сопровождаются религиозным и бытовым ритуалом. Различные словесные выражения, обозначающие начало и конец промежутка времени, различного рода обычаи, связанные с началом и концом, играют определённую роль в процессе восприятия времени, сообщают ему значительную дифференцированность.

Начало и конец тесно связаны в сознании русского человека: «Где не было начала, не будет и конца». Началу придается особое значение, оно получает качественную оценку – положительную или отрицательную: «Доброе начало – половина дела», «Плохое нача-

ло, и дело стало». Однако любое дело оценивается по его результату, концу: «Не смотри начала, смотри конца. Не верь началу, а верь концу».

В Китае даосисты утверждали, что «...состояние Вселенной неуловимо, а её изменения бесконечны». Чжуан-цзы чётко изложил даосистские взгляды о круговороте в природе: «От единого начала происходят вещи, которые сменяют друг друга в самых различных формах. Их начало и конец вертятся как колесо, и нельзя установить, где они находятся». В книге «Дао-дэ цзина» написано: «Начало и конец друг за другом следуют». Китайские пословицы и поговорки отражают этот взгляд: «Весна – решающее время года, а утро решающее время суток».

Применительно к жизни человека понятия начала и конца связаны с характеристикой такого процесса, закономерный ход которого ведёт к его самоотрицанию, к переходу в его противоположность, поэтому главными координатами на жизненной оси являются жизнь и смерть. Народные представления о времени образуют определённую, строго организованную систему понятий, ценностных ориентиров, и в основе её лежит кардинальная оппозиция «жизнь – смерть»: представление о временной протяжённости, изменчивости, движении жизни и о безвременье, неизменности, неподвижности, смерти.

Время – категория, свойственная этому, здешнему миру, миру живых, в потустороннем мире времени нет: он неподвижен и неизменен.

Пословицы о жизни и смерти тем более не ограничиваются констатацией количественных параметров протяжённости, движения и неподвижности, свойственных названным онтологическим понятиям. С одной стороны, по-новому освещается их оппозиционность – как двух качественных сторон человеческого существования. Категория жизни и смерти, находясь в одном ряду, конечно, противопоставлены друг другу и представляют собой характеристику единого процесса, хотя ценность все-таки придается жизни: «Живой смерти не ищет», «Живой в могилу не ляжет». С другой стороны, между ними есть определенное сходство. Во-первых, наблюдается близость дистанционная: «Промеж жизни и смерти и блошка не проскочит», «Седни жив, а завтра – жил». Самая тесная связь и абсолютная близость двух оппозитивов нашла выражение в лексическом соседстве внутри устойчивого оборота «по гроб жизни». Однако, за всем этим стоит все-таки не близость реального расстояния, а складывающееся с годами представление о краткости жизни. Во-вторых, это сходство имеет и качественную, скорее отрицательную характеристику: «Жить плохо, да ведь и умереть не находка», «Жить грустно, а умирать тошно». В целом тональность высказываний далека от оптимистической при характеристике отведённого человеку срока жизни. Пословицы и поговорки с концептами «Жизнь» – «Смерть» в русском языке представляют довольно многочисленную группу. При этом преобладают поговорки с концептом «Жизнь» (Пржилинский приводит соотношение в русских пословицах и поговорках с концептом «Жизнь» 31:88, а с концептом «Смерть» 15:61).

Концепт «Жизнь» в русских пословицах и поговорках в большинстве случаев выражается глаголами, что, видимо, связано с тем, что жизнь – это процесс. Концепт «смерть» чаще выражается существительными, что объясняется тем, что смерть в русской наивной картине мира – явление статичное.

В русском языке «жизнь» имеет значение – «бытие», «продолжение земной жизни от рождения до смерти», «род и образ жизни», «быт, деяния, поступки, положения и пр.», «существование отдельной личности. Жить – значит «существовать, находиться в процессе жизни», «проводить жизнь в каком-либо месте, среди кого-либо, «поддерживать своё существование чем-либо», «вести какой-нибудь образ жизни». Живой имеет значение – тот, который живёт, обладает жизнью», «деятельный, полный жизненной энергией». В русском языке концепт «Жизнь» имеет положительную коннотацию, а в паремиологической системе русского языка концепт «Жизнь» реализует не только положительную, но также нейтральную и отрицательную коннотацию. Отрицательная коннотация концепта «Жизнь» проявляется, когда жизнь человека сложна и трудна или человек живёт ненадлежащим образом.

В Китае представление о жизни и смерти выглядит как «Мир рождений и смертей». Смерть в данном смысле значима не как грозное, экстраординарное событие, прерывающее уникальность, неповторимость жизни, а как своего рода сигнал к новому витку перерождений. Иначе говоря, смерть понимается не только как конец жизни, но и как её начало. В китайском языке существует выражение «Встретимся в третьей жизни», т. е.

люди верят, что существует жизнь прошлая, настоящая и будущая, поэтому смерть воспринимается как начало новой жизни.

В китайском буддизме цепь причинно-зависимого происхождения состоит из двенадцати звеньев (нидан), и, в принципе, безразлично, с какой ниданы начинать изложение, поскольку наличие любой из них обуславливает и все остальные. Однако логика изложения требует, тем не менее, определённого порядка, который будет соблюден и здесь:

1. Прошлая жизнь (точнее, промежуток между смертью и новым рождением, антарабхава). Авидья (неведение). Неведение (в смысле непонимания и непрочувствования) четырёх Благодородных Истин, заблуждение относительно собственной природы и природы существования как такового обуславливает наличие – самскар (формирующие факторы, мотивации, базовые подсознательные влечения и импульсы), влекущих умершего к новому переживанию бытия, новому рождению. Промежуточное существование заканчивается, и происходит зачатие новой жизни.

2. Данная жизнь. Наличие самскар обуславливает появление сознания (виджняна), неоформленного и аморфного. Наличие сознания обуславливает формирование имени и формы (нама-рупа), то есть психофизических характеристик человеческого существа. На основе этих психофизических структур формируются – шесть баз (шад аятана), то есть шесть органов, или способностей (индрия), чувственного восприятия. Шестой индрией является манас (ум), также считающийся органом восприятия умопостигаемого. В момент рождения шесть органов восприятия приходят в соприкосновение (спарша) с объектами чувственного восприятия, в результате чего возникает чувство (ведана) приятного, неприятного или нейтрального. Чувство приятного и желание вновь испытать его, приводят к появлению – влечения, страсти (тришна), тогда как чувство неприятного формирует отвращение. Влечение и отвращение как две стороны одного состояния образуют – упадану (схватывание, привязанность). Влечения и привязанности составляют сущность – жизни, сансарического бытия (бхава). Но эта жизнь непременно должна привести к – следующей жизни.

3. Следующая жизнь. Новому рождению (джати), которое в свою очередь непременно закончится – старостью и смертью (джала-марана). Вот краткое перечисление звеньев цепи причинно-зависимого продолжения жизни, т. е. «начала» и «конца».

Паремии с концептами «Жизнь» и «Смерть» в китайском языке немногочисленны. Среди отобранного лингвистического материала значительно преобладают поговорки (с концептом «Жизнь» соотношение 13:20, а с концептом «Смерть» – 6:16). Концепт «Жизнь» при этом в большинстве случаев выражается глаголом, т.к. жизнь носителями китайского языка воспринимается как процесс, движение, деятельность, а концепт «Смерть» представлен преимущественно существительными, потому что смерть в сознании китайца – состояние, а не процесс. Жизнь динамична, смерть же – статична. В китайской языковой картине мира концепт «Жизнь» амбивалентен, помимо положительного отношения проявляется и отрицательное и оценка жизни. Положительная и отрицательная коннотации реализуются практически в равной мере. Отрицательная коннотация появляется, когда жизнь человека бесцельна, не имеет смысла и содержания. В китайском языке смерть имеет следующие значения: «прекращение жизни», «конец земной жизни», «кончина», «переход к вечной духовной жизни», «гибель и распад организма», «кончина». Умереть – значит «перестать жить», «подвергнуться смерти, защищая кого-нибудь».

Названные концепты отражают особенности мировосприятия русских и китайцев, формировавшиеся в течение столетий. Они вербализованы большим количеством лексических и фразеологических единиц, пословично-поговорочных выражений, отражающих представления о начале и конце промежуточного времени, в основе которых лежат общечеловеческие образы, а также образы, свойственные русскому и китайскому этносу.

Summary. The author analyzes the proverbs of the Russian and Chinese languages which verbalize the idea of time: the beginning and the end, cycling, life and death, and which update the relevant concepts.